

УДК 341.346(470.319)''1941/1943''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-11-24

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru, AuthorID: 690485

SARAN A.Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Science and Technology, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru, AuthorID: 690485

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГЕРМАНИЮ В 1941–1943 ГГ.

ABDUCTION OF THE POPULATION FROM THE TEMPORARILY OCCUPIED TERRITORIES OF OREL REGION TO GERMANY IN 1941-1943

Аннотация. Цель статьи – анализ политики геноцида советского народа, проводившейся оккупационными властями Германии и их пособниками, на территории временно оккупированной части Орловской области в 1941–1943 гг. Одной из составных частей политики геноцида является насильственный угон населения с мест постоянного проживания. Значительная часть жителей Орловской области, оставшихся на захваченной территории, была насильственно перемещена как по территории Орловской области, так и за ее рубежи в границах Советского Союза – на Украину, в Белоруссию, Прибалтику – и за границу – на территорию Германии, Италии, Франции, Чехословакии, Польши, Румынии. Условия депортации и режим содержания перемещенных лиц создавал угрозы для их здоровья и самой жизни, о чем свидетельствуют многочисленные показания выживших орловчан, а также вещественные улики, собранные чрезвычайными государственными комиссиями (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба мирным гражданам, создаваемыми сразу после освобождения оккупированных территорий Орловской области в сельских советах, районах и областном центре. Работа ЧГК продолжалась в течение нескольких лет, они периодически обобщали собранные сведения, документировали их и предавали гласности. Поскольку данные постоянно пополнялись, менялись и цифры в обобщенных результатах, что не было противоречием.

Ключевые слова: геноцид советского народа, Орловская область, СССР, Германия, оккупация, угон мирного населения.

Abstract. Much attention is given to abduction of the population as one of the components of the policy of genocide. The authors draw attention to the fact that a significant part of the residents of Orel region were forcibly displaced both on the territory of Orel region and beyond its borders within the borders of the Soviet Union – to Ukraine, Belarus, the Baltic States, and abroad – to Germany, Italy, France, Czechoslovakia, Poland, Romania. The conditions of involuntarily deportation and the regime of detention of displaced persons endangered their life and health. The authors cite the testimony of survivors, as well as materials collected by the Extraordinary State Commissions of inquiry the atrocities of the Nazi invaders and the damage caused to civilians. The Extraordinary State Commissions were created immediately after the liberation of the occupied territories of Orel regions in rural councils, districts and the regional center. As a result, the authors draw conclusions that the work of the Extraordinary State Commissions continued for several years. The results of their work on collecting, documenting and making public information are summarized. It stressed that the constant updating of data and the change of figures in the generalized results is not a contradiction.

Keywords: genocide of the Soviet people, Orel region, USSR, Germany, occupation, abduction of the population.

ВВЕДЕНИЕ

Определение геноцида, который является преступлением против мира и безопасности человечества, дано в ст. 357 Уголовного кодекса РФ, где, в частности, говорится, что это «действия, направленные на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства... *насильственного переселения* либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение» [21]. То есть угон мирного населения нацистскими захватчиками с временно оккупированной территории Орловской области в 1941–1943 гг. полностью подпадает под определение геноцида.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Орловской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба мирным гражданам в своем обобщающем акте от 15 марта 1945 года был подведен следующий итог расследованиям, проводившимся в течение полутора лет: гитлеровские палачи угнали в Германию на каторжные работы 56 490 чел. [4, С. 24].

Правда, позднее, 19 октября 1945 года, секретарь Орловского обкома ВКП(б) Н. Г. Игнатов в своем отчете о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 4 августа 1945 года «Об организации политико-воспитательной работы с репатрированными советскими гражданами», посланном секретарю Центрального комитета коммунистической партии Георгию Максимилиановичу Маленкову, сообщал уже новые, скорректированные в сторону увеличения данные о том, что за время оккупации области немецкими захватчиками в Германию было угнано 97 769 чел. [6, Л. 163–163 об.]. Разница в обобщенных цифрах угона населения с мест постоянного проживания более чем в 40 тыс. человек, то есть почти вдвое, могла быть вызвана тем, что за истекшие к тому времени

полгода, с одной стороны, вернулось большее количество угнанных советских граждан, чем их вернулось в марте 1945 года, а с другой стороны, система учета стала располагать более полными и достоверными сведениями, учитывая проведенную за этот период работу органов статистики.

Оккупанты серьезно подготовились для доставки рабочей силы с захваченных территорий в Германию, которая испытывала дефицит рабочих рук в связи с постоянно проводившимися мобилизациями в армию мужчин призывного возраста. Необходимо отметить, что дефицит квалифицированной рабочей силы особенно обострился в 1942 году, когда после серьезных потерь вермахта на Восточном фронте борьбы с Советским Союзом в Германии стали снимать бронь с работников оборонных предприятий и посылать их на фронт. Это вынудило оккупационные немецкие власти в СССР усилить работу по насильственной депортации трудоспособного населения, в том числе с территории Орловской области, которую они проводили и ранее.

Орловская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем акте от 27.01.1945 г. зафиксировала, что начиная с октября 1941 года после занятия города немецко-фашистские оккупанты начали проводить насильственный угон советских людей в рабство в Германию. Для угона оккупанты организовали биржу труда с лагерем, силою заставили подписывать трудовые обязательства о якобы добровольной поездке в Германию. За отказ немцы арестовывали граждан и держали в подвале гестапо, принуждали к формальному согласию угрозами, побоями, расстрелом. А всего из Орла насильственно угнали 1221 чел. [11, 33 об. – 34]. Подчеркнем, что это были данные исключительно по городу Орлу без учета сведений по другим временно оккупированным районам Орловской области.

Всех обнаруженных девушек 1917–1926 годов рождения через биржу труда немцы отправляли в Германию. Генерал-

майор Гаман – командующий Орловским административным округом – 28 мая 1943 года издал приказ, в котором говорилось, чтобы «скрывающаяся женская молодежь в селах вылавливалась органами полиции и под силой оружия направлялась в Германию» [18, С. 268]. По имеющимся на настоящее время у исследователей данным, с территории Орловской области было угнано более 20 000 женщин и девушек.

Эти сведения орловских источников нашли свое подтверждение в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) от 6.09.1943 г.: «...за весь период немецкого хозяйничанья в городе Орле было угнано в рабство только одних девушек и женщин свыше 20 000 человек. Ужас германского рабства толкал советских граждан на причинение себе тяжелых увечий. Многие девушки и женщины сознательно увечили себя, лишь бы не попасть на фашистскую каторгу. Например, гражданки Сысоева Александра и Ковалева Александра с этой целью обожгли себе руки серной кислотой и стали инвалидами. Таких случаев было немало» [16, С. 2–16].

Сознательная самоинвалидизация кандидатов на угон демонстрирует действительное отношение населения к депортации в Германию, в то время как гитлеровская пропаганда расписывала прелести жизни и работы на Западе в оккупационной прессе, в листовках, передачах по радио (радиоприемники у населения были конфискованы, но радиовещание велось с громкоговорителей, установленных в местах массового присутствия населения). В этой фашистской пропаганде постоянно приводились ложные примеры хороших отзывов от самих «остовцев». Частью такой пропаганды была и переписка угнанных жителей Орловской области с оставшимися родственниками и знакомыми. Дело в том, что письма угнанных, направлявшиеся на Родину, писа-

лись ими исключительно по образцам на специальных почтовых бланках, подвергались цензуре и могли содержать только позитивную информацию. Но все усилия фашистской пропаганды аннулировались правдивыми сведениями, которые просачивались к жителям Орловской области, в том числе через немногочисленные листовки советских органов власти из-за линии фронта, которые становились доступны жителям временно оккупированных территорий через подпольщиков, нередко с опасностью для своей жизни доносивших правду до населения, посредством устных сообщений, слухов, которые через все границы просачивались из Германии. Одним словом, отношение местных жителей к депортации в Германию было категорически отрицательным, о чем свидетельствует не только широкое использование оккупантами методов принуждения и насилия в ходе мобилизационных кампаний, но и указанные выше случаи самокалечения жителей, чтобы избежать угона.

Когда в начале августа 1943 года советские войска развернули широкое наступление на Орловском плацдарме и подошли к Орлу, немецкий военный комендант города Гаман опубликовал оповещение, что город Орёл объявлен боевой зоной, и поэтому «гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспретствовано силою оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет избегут задержания, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице¹. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречаться на улице, будет расстреляно» [17, С. 149–150]. Этот документ демонстрирует планы гитлеровцев, которые намеревались оставлять после своего ухода с временно оккупированных территорий СССР лишь «выжженную землю» – все постройки предполагалось уничтожить путем сожжения или взрыва, а население в полном составе либо угнать с собой, либо уничтожить.

---

¹ Ныне – ул. Красноармейская.

Оставшееся мирное мужское население города Орла должно было быть сконцентрировано в так называемом Орловском центре на Казарменной (Красноармейской) улице, где размещался концентрационный лагерь для военнопленных и мирных граждан. Учтивая массовые расстрелы, которые проводились в указанном концлагере, с большой долей уверенности можно предположить, что фашисты готовились к тотальному уничтожению мужчин-орловчан, чтобы лишить мобилизационного ресурса наступающую Красную армию, которая подходила к Орлу. Избегая угона в фашистское рабство, многие жители орловской Пятницкой слободы после ознакомления с приказом военного коменданта Адольфа Гамана стали прятаться в пещерах, которые в незапамятные времена образовались в каменоломнях, расположенных у реки Оки под её обрывистым правым берегом. Узнав об этом, фашисты закидали пещеры гранатами, а входы в них подорвали, устроив искусственные завалы. Однако часть спрятавшихся смогла спастись и дожидаться прихода освободительной Красной армии.

В Глазуновском районе, согласно акту, подготовленному после освобождения территории районной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в марте 1943 года по приказу оккупационных властей солдаты вермахта начали насильственно угонять население района в Германию. 18 марта в 12 часов ночи немецкие солдаты заходили в дома, выводили целыми семьями, многих полураздетыми, и не давали брать с собой не только вещи, но и продукты. К вечеру было собрано около 3000 человек, их погрузили в товарные вагоны и отправили в сторону Германии [8, С. 1].

Жительница поселка Глазуновки Нина Яковлевна Борискина рассказала, что «...в Германию в 1942 году ехали в закрытых вагонах, охраняемые немецкими патрулями. В дороге кормили 2 раза в сутки супом с гнилой картошкой и 250 г хлеба. По приезде в город Нербург нас вывели в большой огороженный двор. Пришел фабрикант чернильной фабрики, отобрал нас 20 девушек и под охраной

жандармов привёл и поселил в темный барак. На работу и с работы водили под охраной жандармов. За разговор с девушками литейной фабрики меня и других наших девушек жандармы избили, после чего я заболела...» [8, Л. 2].

Во время отступления с территории Глазуновского района по распоряжению немецкого командования 24–25 июля 1943 года солдаты забирали и уводили всё еще оставшееся местное население. Житель посёлка Глазуновки тракторист Глазуновской машинно-тракторной станции Фёдор Алексеевич Петрикин 1917 года рождения вспоминал, как 25 июля немецкие солдаты вывели всех жителей и повели по направлению города Кромь. Стариков по дороге избивали, а кто не мог дальше идти, расстреливали. Угнанных загнали в лагерь, обнесенный колючей проволокой. Было их больше одной тысячи человек [8, Л. 2]. Только из трех сельсоветов этого района оккупанты угнали в немецкое рабство 922 человека [8, Л. 2 об.].

В Должанском районе, согласно докладной записке, подготовленной сотрудниками Орловского обкома коммунистической партии 3 апреля 1943 года для секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, сообщалось, как во время сбора немцы согнали жителей с. Вышнее Ольшаное в холодную церковь, где замерзло много советских граждан, в том числе двое детей [2, С. 33–37]. Только из указанного села фашисты угнали 860 человек, а всего из Должанского района было угнано 1974 человека.

Другой районной комиссией по выявлению злодеяний, учиненных немецко-фашистскими палачами над мирным населением Кромского района во время оккупации, в своем обобщающем акте, датированном 22 октября 1944 года, было установлено, что «страшнее смерти был угон в немецкое рабство, об этом говорят письма, полученные из Германии. 26-летний Букин Николай Сергеевич был угнан в Германию 17 февраля 1942 года за отказ работать на [рытье] окопов. Он пишет: «...жизнь моя очень плохая, работаю почти сутки, спать приходится мало, кормят очень плохо, дают 300 г хлеба, хожу почти разутый, обещают

дать колодки. Я думаю убежать. Выручайте...» [9, Л. 9–10]. С территории Кромского района за период оккупации было угнано в немецкое рабство 1140 человек.

Малоархангельской районной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем итоговом акте, составленном в 1944 году, было заключено, что, как и в Кромском районе, пособники фашистов подвергали отказывающихся от угона жителей арестам: «за отказ выехать в Германию арестовано 10 человек... на десять суток. После этого большинство их было отправлено в Германию» [1, Л. 7]. Всего за весь период оккупации в немецкое рабство было угнано 1406 человек [10, Л. 1].

Судьба многих оstarбайтеров, как часто называют угнанное население из-за нашивок «OST», которые они были обязаны носить в германской неволе, складывалась драматически, о чём жительница города Малоархангельска А. З. Семенова сообщила: «...6 июня 1942 года насильно угнали моего сына Виктора, 1925 года рождения, в рабство в Германию. От моего сына не было ни одной весточки, за исключением справки о его смерти в Германии от голода...» [10, Л. 2]. Как видим, оккупанты цинично сообщали родственникам на временно оккупированной территории Орловской области о смерти угнанных в неволю, то есть у них была отработана не только система учёта рабочей силы, насильственно доставленной в Германию, но и система хранения данных об их родственниках и система оповещения о смерти оstarбайтеров.

Жительница Мценска Тамара Петровна Полохина (в девичестве Казакова) 1927 года рождения вспоминает, как вышел приказ немецкого коменданта выселить всех жителей из города, а «в январе 1942 года дали время на сборы. Тех, кто не подчинялся, немцы находили и убивали. А люди прятались, как могли. Немцы после очистки квартала забрасывали погреба гранатами» [20, С. 75]. Обратим внимание на несколько моментов воспоминаний Т. П. Полохиной, прежде всего на масштаб операции по насильственному переселению –

оккупанты выселяли весь город, что соответствовало немецкой политике ликвидации советских городов, а в Мценске по переписи населения 1939 года проживало 11 480 человек.

Свидетельница даёт сведения и относительно технологии проведения операции по насильственному угону населения. Вначале издавался приказ, содержание которого доводилось до населения. Но в документе или отсутствует указание о конечной точке маршрута, или сведения не вызывают доверия, и население не знает, куда его переправляют фактически. При этом населению дают незначительное время, чтобы подготовиться к угону. Естественно, что часть жителей пытается скрыться от насильственной депортации. Обращает на себя внимание жестокость оккупантов, которые убивают беглецов, а спрятавшихся в укрытиях забрасывают гранатами, что в целом соответствует политике геноцида мирного населения, проводившейся захватчиками. Наконец, свидетель не упоминает об участии в депортации полицейских из числа местного населения, то есть данная операция в январе 1942 года проводилась исключительно силами захватчиков.

Угоняемое население было разделено по гендерному признаку – женщин с детьми депортировали сразу, а мужчин вначале использовали для сооружения укреплений вокруг Мценска, который превращался в узел обороны, а лишь после окончания работ перемещали в другие местности. Т. П. Полохина сообщает, что её отец Пётр Иванович Казаков после работ под Мценском догнал семью в одной из деревень, но потом был немцами отправлен в Германию вместе с другими омчанами. Его «...отправили в трудовой лагерь. Всю войну они работали на фермеров, обрабатывали землю, жили тяжело, голодали, но выжили...» [20, С. 77]. В конце 1945 года П. И. Казаков вернулся домой.

Свидетель Т. П. Полохина сообщает дополнительные сведения о технологии проведения насильственной депортации мирного населения из Мценска: «город зачищали кварталами и людей сгоняли в одно место.

Более 2000 человек согнали в здания на улице Ленина¹. В неимоверной тесноте стояла огромная толпа народу – на ногах, без еды и питья, несколько суток в лютый мороз. Замерзшие и умершие стояли в толпе вместе с живыми, мучились семь суток. За это время умерло 20 детей. Я видела, как у одной женщины замерз на руках ребенок, несчастная, подняв доску, сунула его тельце под пол сцены². Хоронить было некогда, так как отстающих пристреливали» [20, С. 75]. Как видим, операция по депортации не отличалась стремительностью, после объявления приказа, после истечения времени, выделенного на сборы, концентрация жителей и зачистка жилого сектора всего лишь одного квартала заняли целую неделю. При этом продолжается бесчеловечное обращение с запуганными мирными жителями – их несколько дней держат на ногах в условиях крайней скученности, им не дают продовольствия и воды, не оказывают медицинской помощи, даже не дают возможности похоронить умерших от невыносимых условий.

Не менее жестоко, чем сбор угоняемого населения, проходило и его перемещение. Омчанка Т. П. Полохина рассказывает о событиях января 1942 года: «...нас, голодных, измученных, погнали в сторону Орла. Шли пешком... Немцы гнали людей, никого не щадя... В одной колонне было очень много детей, движение из-за них задерживалось. Немцы подогнали подводы, посадили самых маленьких и слабых и повезли их вперед. Колонна стала двигаться быстрее. Через несколько километров наткнулись на тела 15 детей, сброшенных в канаву. Немцы убили их, чтобы не мешали движению. Идти было страшно тяжело: снег глубокий, мороз» [20, С. 75].

Пеший маршрут из Мценска до Орла для угоняемого городского населения строился следующим образом: людей перегоняли по-

этапно – сначала определили на зимовку в д. Савенково, потом в д. Богатово, а после этого направили в Кикино [20, С. 75]. Отметим, что эти населенные пункты находятся недалеко друг от друга, примерно в 20 км от Мценска, то есть 2-тысячную колонну обессиленных людей одного из кварталов Мценска не смогли разместить в одной деревне, и конвоиры пытались их пристроить, вода по окрестным деревням по заснеженным дорогам. Как вспоминает Т. П. Полохина, «прокормить беженцев местным было не под силу. В очередной деревне нас надолго расселили» [20, С. 75].

Весной 1942 года оккупанты погнали омчан дальше в сторону Орла, но областной центр обошли стороной, провели через Кромы и остановились в селе Ломовец Троснянского (ныне Кромского) района. То есть жители Мценска отделились от родных мест почти на 100 км, зимой сделав один дневной переход в 20 км, а весной прошли пешком ещё более 80 км в южном направлении.

В Ломовце, сообщает Т. П. Полохина, «расселил нас староста по домам, где было меньше народу. Питаться прикрепили в другие дома по 1–2 человека» [20, С. 76].

Следует отметить, что, в отличие от зимы 1941–1942 гг. во Мценске, в Ломовце летом 1942 года уже действовала местная администрация в лице русского старосты. Это село стало прибежищем для перемещенных лиц не только из Мценска, поскольку омчан поселяли в дома, где уже находились переселенцы из других временно оккупированных районов Орловской области. Наличие администрации из состава местного населения давало угнанным, хотя бы некоторый шанс на выживание. Вот как описывает Т. П. Полохина старосту села Ломовец по имени Яков: их «...всех спасло то, что староста был добрый и справедливый. В других деревнях переселенцы умирали семьями...» [20, С. 76].

Угнанное население никак не снабжалось продовольствием со стороны оккупантов, а обеспечивалось питанием исключительно за счет местных жителей, что в условиях перенаселенности, постоянных реквизиций за-

¹ Перекресток улиц Ленина и Карла Маркса в современном городе Мценске.

² То есть семья свидетеля находилась в неотопляемом здании мценского Дома культуры.

хватчиками продовольствия приводило к голоду. О последствиях полуголодного существования рассказывает Т. П. Полохина, которая подростком пережила угон из родных мест: «Маленький Генка постоянно просил есть, он открывал ротик, показывал туда пальчиком и просил: «Ам, ам, ам». Стал он опухать. Малыш умер» [20, С. 76]. Напомним, что из Мценска угонялось всё население в зимних условиях, во время трескучих морозов 1941 года, затем следовало полуголодное существование в местах временного расселения – всё это приводило к ослаблению первоначально здоровых депортируемых и массовой гибели наиболее уязвимой части жителей – младенцев и стариков.

Помимо проблем с недостатком продовольствия, отсутствием медицинского обслуживания, то есть базовых потребностей для жизни, перед угнанным населением стояла также менее значимая, но вполне важная проблема с отсутствием одежды и обуви. Юная в то время жертва оккупационного режима Т. П. Полохина вспоминает, что «все обносились, оборвались. Одевались единственным доступным тогда способом: раздевали убитых немцев¹, стирали эти вещи и перешивали» [20, С. 77].

Однако, решая созданные оккупационным режимом нацистов тяжелейшие бытовые проблемы, от которых нередко зависела сама жизнь, часть беженцев находила возможность помогать партизанам и советским разведчикам. Т. П. Полохина рассказывает, как это происходило в селе Ломовец Кромского района в период оккупации при участии её юного брата Валентина Петровича Казакова: «Дети ходили в лес за дарами природы. Часто под-

ходили «дяденьки», спрашивали, есть ли в деревне немцы. Это были партизаны. Наш Валька всюду ездил со старостой по делам: отвозил продукты в жандармерию, видел и знал больше других, был связным или разведчиком у наших. По ночам вползают к нам разведчики в маскхалатах: «...как тут дела, Рыжик?» Он им обстоятельно всё расскажет, где и что у немцев» [20, С. 76]. Летом 1943 года 14-летний В. П. Казаков был смертельно ранен немецким снайпером. Советские разведчики, с которыми Валентин был связан, уничтожили немца прямо на месте его засады на дереве и попытались спасти своего информатора, но юный герой позднее умер в госпитале.

Орловская районная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем заключительном акте от 28 декабря 1944 года сообщала, что немецко-фашистским командованием с территории района были насильственно угнаны на каторжные работы 1034 советских гражданина [12, Л. 15]. Тех, кто сопротивлялся насильственному угону, ждала следующая участь: «Сорокин Василий Иванович и Шельменков Максим Ильич, проживавшие в колхозе «РККА» Сабуровского сельсовета, были расстреляны, за отказ отступить с немцами...» [12, Л. 15]. Как видим из этого документально подтвержденного факта, в Орловском районе дело обстояло так же, как и в других частях Орловской области, то есть угон населения проводился насильственно, под угрозой смерти, и фашисты легко применяли оружие против мирного населения не только для устрашения, но и для убийства.

Об условиях работы в Германии рассказывает после возвращения на Родину в 1945 году житель Орловского района С. Ф. Барков: «...жили мы в лагерях, огороженных колючей проволокой в несколько рядов, в каждой комнате находилось 40–60 чел. – мужчины, женщины, дети – все вместе, работали по 10–12 часов, кормили нас один раз в день: 1,5 литра супа из бруквы и 100–150 граммов хлеба. Часто нас избивали палками» [5, Л. 23]. Другой житель Орловского

---

¹ Вероятно, речь идет о периоде после освобождения Кромского района от захватчиков и до возвращения свидетельницы во Мценск, т. е. о лете 1943 года. В период оккупации работали немецкие похоронные команды, за раздевание убитых немцев могло последовать суровое наказание, а сразу после освобождения советские войска хоронили своих погибших, но санитарная очистка территории от вражеских трупов оставалась на долю местных властей, у которых было множество других задач, и поэтому какое-то время трупы немецких солдат оставались неубранными, чем и пользовалось население.

района – В. Н. Сазонов – рассказывает о подобных условиях работы в неволе: «Нас пригнали в Германию и заставили одних работать на военном заводе, а других в шахтах. Имя своего не имели, носили номера» [5, Л. 23]. Из этих показаний видно, что угнанное население на месте насильственной депортации обезличивалось через присваивание лагерных номеров. Проживали свидетели в бараках трудовых лагерей, обнесенных колючей проволокой порой в несколько рядов, то есть были лишены свободы передвижения. Непосильный труд, бесчеловечное обращение с остарбайтерами немецкого персонала и недостаточное питание создавали условия для высокой смертности среди угнанного населения Орловской области, что является одним из признаков геноцида.

Хотынецкая районная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своём акте от 15 декабря 1944 года зафиксировала, что в немецкое рабство с территории района было угнано 1444 чел. [13, Л. 4]. В акте раскрыты и некоторые подробности угона населения: «...в 1943 году 9 августа гр-ка Еськова Дарья Ивановна из дер. Баздревой Пятницкого сельсовета за то, что отказалась ехать в германский тыл, была расстреляна немцами. Немецкие преступники применяли насильственные меры, под силой оружия угоняя граждан в Германию на каторжные работы. Летом 1942 года на станции Хотынец немцы собрали около 100 человек, погрузили их в вагоны и под охраной отправили в Германию...» [13, Л. 3–4].

Во время своего отступления под натиском советских войск с Орловского плацдарма гитлеровские захватчики только в июле 1943 года осуществили угон в Германию 100 269 семей местных жителей [22]. Как сообщал на X пленуме Орловского областного комитета ВКП(б) 15 января 1944 года первый секретарь обкома А. П. Матвеев, фашисты угнали на каторжные работы в Германию 250 тыс. жителей области [3, Л. 3]. По уточнённым данным из докладной записки секретаря обкома партии в ЦК ВКП(б) от 13 августа

1945 года, в которой сообщается о количестве угнанных граждан, «угнано в неметчину 99 280 человек» [5, Л. 22–25].

Согласно акту от 7 июля 1943 года комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в д. Петрово Вокзального сельсовета Залегощенского района «во время угона населения из села, в пути следования, ввиду 40-[градусного] мороза, люди замерзали насмерть. Так замерзла гр[аждан]ка Бухтеева Анастасия Филатовна, 50 лет. Кроме того, весь путь был устлан трупами крохотных детей и взрослыми гражданами, замерзшими насмерть» [18, Л. 78–78 об.]. Эти сведения практически повторяют описание картины насильственного угона населения из города Мценска, где также в суровых зимних условиях во время длительных пеших переходов гибли самые слабые – дети и старики. Они тоже оставались лежать непогребёнными на обочинах дорог – как во Мценском, так и в Залегощенском районах. Подобные факты, зафиксированные в нескольких районах, позволяют говорить о типичности условий угона, которые приводили к массовой гибели мирного населения на всех временно оккупированных территориях Орловской области. Эти преступления геноцида совершали именно военные части вермахта, который не был признан Нюрнбергским трибуналом преступной организацией, в отличие от СС.

О судьбе жителей Орловской области, угоняемых отступающими оккупантами, мы узнаем из частных писем очевидцев событий, которые проверялись и копировались органами почтовой цензуры. Так, военный служащий Першунов (п/п 47671) в адрес Жалобиной А. А., проживающей в городе Нижнем Тагиле, писал, что «при занятии одного села вышла из землянки старушка, она повела нас в овраг, мы там увидели множество расстрелянных крохотных детей и стариков. По неполным данным, мы насчитали 993 человека. Всех этих людей гнали изверги на каторгу, но не успели их угнать, они их расстреляли в этом овраге» [17, С. 412]. Свидетель Першунов, скорее всего, не был военным медиком,

он не мог точно определить времени смерти погибших на территории Орловской области, это могли быть жертвы, как угонявшиеся в зимнее время 1941–1942 гг., о которых говорилось выше, так и убитые во время летнего отступления фашистов в 1943 году. В любом случае это были мирные жители Орловщины, старики и дети, погибшие во время насильственной депортации от рук захватчиков, жертвы нацистского геноцида советского народа.

Горькой была участь абсолютного большинства орловцев, которые были угнаны насильственно: по большей части они находились в центральной Германии, а также в Восточной Пруссии и Померании, являлись в полном смысле слова рабами немецких помещиков и фабрикантов, подвергались жестокой эксплуатации, голодовкам и издевательствам, работали все по 12–14–16–18 часов в сутки, получая в день 150–200–300 граммов хлеба-суррогата и по одному литру бульона из бураков, картошки и различных отбросов. За работу платили 15–25 марок в месяц, а многие работали бесплатно. Из обуви получали деревянные колодки, одежды совсем не получали, жили в лагерях, в грязных, сырых бараках, на скотных дворах, на работу многие выходили под конвоем [5, Л. 23].

Свидетельствуют жители Болховского района, подвергшиеся насильственному угону в Германию в 1942 году. К. Н. Козин, 60 лет, из колхоза «Сила Октября» в д. Рогозинке Заикинского сельсовета [19, С. 289]: «Погрузили в эшелон и направили в Германию (район Берлина). Поселили в лагерях за проволочную изгородь. Работали под охраной. На питание выдавали по 300 граммов хлеба и по литру супа из брюквы или моркови без всяких жиров. С марта 1945 года норму хлеба сократили до 200 граммов» [5, Л. 23].

Т. Е. Новикова из того же Болховского района Орловской области говорит, что она «находилась в лагере вместе с военнопленными в 18 километрах от Берлина, работала на авиационном заводе чернорабочей. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда

высотой 4 метра. Работали под надзором жандармов, которые часто избивали резиновой плетью, особенно русских. Питание состояло из 2 килограммов хлеба в неделю и 1 литра брюквенного супа в день, одежды и обуви не давали. Все русские носили на руках белые повязки с надписью «ОСТ». Вследствие невыносимых условий жизни многие пытались бежать, но их ловили и расстреливали» [5, Л. 23–24]. Из показаний Новиковой ясно, что она находилась в интернациональном лагере, где к русским относились хуже, чем к заключенным других национальностей, что характеризует именно геноцид национальной группы. Остальные детали лагерной жизни орловчанки в германской неволе совпадают с показаниями других свидетелей, что может служить подтверждением предположения о том, что для содержания насильственно угнанных мирных жителей Советского Союза по всей территории Германии были созданы унифицированные условия проживания, питания, труда, содержания и снабжения.

Похожую картину описывает и жительница Малоархангельска Ю.И. Агаркова после возвращения на Родину в августе 1945 года: «...в Германию мы ехали товарными вагонами под охраной. По пути питание было плохое, давали 1 раз пол-литра горячего, которое составляло воду, смешанную с мукой, хлеба получила 250 г. В пути мы находились 12 суток. По прибытии на распределительный пункт над нами устроили торги. Я попала на одну из фабрик Bosch. Питание было плохое. Получала горячее 2 раза в день: брюква, хлеб 250 г в день, 50 г маргарина, 15 г сахара. Заработная плата была 2 марки в месяц. Поработав на этой фабрике 2 месяца, я решила убежать с этой фабрики. За этот побег я сидела в штрафлагере 56 дней, где подвергалась избиениям резиновой палкой...» [15, 16].

Сравним заработную плату Ю.И. Агарковой в фашистской неволе с оплатой немецких рабочих в этот же период. Ей начислялось 15,4 рейхсмарки за неделю, но при этом в обязательном порядке ежедневно вычитали 1,5 рейхсмарки за жильё и питание, какими бы скромными они ни были, то есть

реально еженедельная оплата составляла 4,9, а ежемесячная – 19,6 рейхсмарки. В 1942 г. среднему немецкому рабочему платили по 21,3–22,4 марки в неделю, если пересчитать на месяц, то получается 88 марок. Разница между оплатой труда оstarбайтера и немца составляет более 400 %. Правда, разные угнанные жители Орловской области, работавшие в разных местах Германии, одинаково называют сумму оплаты – не официальные почти 5 рейхсмарок, а только 2, что позволяет заключить, что их немецкие работодатели повсеместно нашли способ более чем вдвое снизить и так грабительскую плату за труд. Это предположение подтверждает и отчет Центрального управления по делам народов Востока, поданный 30 сентября 1942 года, в котором говорится, что питание оstarбайтеров в промышленности плохое, недостаточное, от этого работоспособность их очень низкая, а заболеваемость высокая, растет и смертность; заработная плата в промышленном секторе в среднем составляет всего 2–3 рейхсмарки в неделю, а вовсе не 5 по принятым нормативам, занятым же в сельском хозяйстве помещики платят ещё меньше или вовсе не оплачивают их труд.

При таких подсчетах следует учитывать, что различия в положении рабочих лежали гораздо глубже. Дело в том, что в Германии давно действовала карточная система снабжения, и немецкие рабочие, получавшие карточки на себя и свои семьи, тратили свои марки на продовольствие и прочие необходимые для жизни товары. А для оstarбайтеров карточек для покупок в магазинах не было, оставался лишь черный рынок с его баснословными ценами, где, например, килограмм муки стоил 300 марок (то есть оstarбайтеру нужно было копить такую сумму три с половиной месяца). Но и здесь перед оstarбайтерами было существенное препятствие, ведь угнанные россияне были лишены свободы передвижения, они жили под охраной в трудовых лагерях за колючей проволокой или под контролем немецких фермеров, которые неохотно выпускали работников из своих помещений. То есть потратить даже свои крайне

небольшие суммы оstarбайтеры не имели возможности.

Практичный немецкий ум придумал схему для изъятия и этих фактически бесполезных для самих владельцев-оstarбайтеров, но желанных для рейхсминистерства экономики Германии рейхсмарок. Отметим, что вывоз валюты за пределы рейха, в том числе на оккупированные территории, был запрещен. Оstarбайтерам говорили, что после окончания войны, а фашисты твердо верили (до 1943 года) в свою победу, их всех отпустят по домам. И уедут они не с пустыми руками, нужно будет только конвертировать свои накопленные рейхсмарки в марки сберегательные. То есть нужно покупать эти «шпармарки оstarбайтеров», они были похожи на почтовые марки, только имели соответствующие надписи, наклеивать их на специальные карточки, карточки отдавать в банк, а после возвращения домой отделение немецкого банка в соответствующем регионе выдаст суммы, накопленные на карточках, в местных валютах. Дело в том, что оккупанты проводили разнообразную финансовую политику на захваченных территориях. Например, на Украине они ввели свои оккупационные карбованцы, а на захваченных территориях Российской Федерации оставили советские рубли, правда, ввели принудительный курс – 10 к одному, в то время как реальное соотношение рубля и марки было 2:1. Расчёт немецких экономистов был на то, что полновесные, хотя и постоянно обесценивающиеся рейхсмарки оstarбайтеры отдадут за бумажки в виде марок с совершенно неопределенным будущим. Их расчёты полностью оправдались: власти фашистской Германии вернули в финансовый оборот деньги, накапливаемые миллионами угнанных оstarбайтеров, а сберегательные марки к 1944 году превратились, как и следовало ожидать, в обыкновенные бумажки, не имеющие никакой стоимости, поскольку не осталось оккупированных территорий Советского Союза, который начал добивать фашистского зверя в его собственном логове. То есть труд угнанных, в том числе с временно оккупированной части Орловской области, окончательно стал бес-

платным для немцев. То есть по внешней форме фашисты в отношении оstarбайтеров в некоторой мере поддерживали элементы капиталистических отношений, как бы оплачивая их труд в денежном эквиваленте. Однако широкое применение насилия в отношении насильственно угнанного населения, отсутствие для них прав и свобод, присущих капиталистическому обществу, характеризуют эти отношения близкими, скорее, не к феодальному строю, который основывался на изъятии продукта у крестьян, трудящихся в собственном хозяйстве, а к рабовладельческому, при котором раб являлся лишь «говорящим орудием» труда. Формальная оплата, которая выдавалась части оstarбайтеров, фактически насильственно, через целую сеть ограничений конвертировалась из рейхсмарок в сберегательные марки, которые в итоге полностью обесценились, сделав труд угнанного населения Советского Союза в экономике Германии совершенно бес-платным, то есть рабским.

Угнанные из Советского Союза юридически не рассматривались немецкими властями ни как полноправные граждане, работающие на благо Германии, которым нужно выдавать хотя бы продовольственные карточки, ни как просто люди, обладающие элементарными человеческими правами. Например, прокурор небольшого немецкого города Нордхаузен в округе Эрфурт, окруженного концентрационными и трудовыми лагерями подземного завода «Дора-Миттельверке», который производил тысячи ракет «ФАУ-2», в сентябре 1942 года полностью одобрил сложившуюся практику германской полиции расстреливать на месте «цвангсарбайтеров» (принудительных работников) безо всякого суда и следствия за малейшие правонарушения, например за нарушение принудительно заключенного контракта с работодателем, за мелкую кражу, за бродяжничество и т. п. «Наказание смертью» без соблюдения юридических процедур также присуще именно рабовладельческому строю, что отличает его и от феодального, и тем более от капиталистического.

Часть населения Орловской области в период временной оккупации в 1941–1943 гг.

продолжала проживать на прежних местах и не подвергалась насильственному угону, но их положение было вполне сравнимо с участью угнанных. Вот что показал житель с. Архангельского Ворошиловского сельсовета Малоархангельского района Д. Я. Алпатов на допросе в качестве свидетеля 26 августа 1949 года старшему оперуполномоченному УМВД Орловской области старшему лейтенанту Кравченко: «Во время оккупации немцами с. Архангельского Ворошиловского сельсовета я проживал дома по месту постоянного жительства. Работал под силой оружия по изготовлению противотанковых рвов, окопов и т. д., для чего в нашем селе немцами был сформирован трудовой лагерь из числа советских мирных граждан и частично русских военнопленных» [14, С. 154]. То есть и оставшееся население насильственно привлекалось к работам на оккупантов и нередко проживало за колючей проволокой в специальных лагерях, как и насильственно угнанные на территорию Германии.

Выжившие в германской неволе угнанные жители Орловской области после освобождения в 1944–1945 гг. возвращались на Родину. Они не забыли о пережитом в фашистской Германии и создавали свои объединения. Так, 31 августа 1999 года региональным отделением Управления Федеральной регистрационной службы был зарегистрирован Устав некоммерческой общественной организации Орловской области «Союз бывших узников фашизма», руководителем которой был А. В. Ливцов¹, а председателем совета – Л. А. Орлова, учредителями также выступили бывшие узники Надежда Ивановна Кравченко и Людмила Петровна Федосова (организация была ликвидирована 30 августа 2016 года). А в Болховском районе действовала общественная организация «Общество бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», зарегистрированная 4 октября 1994 года, которой руководила Н. Г. Нартова.

¹ Анатолий Викторович Ливцов (1926–2006) – отец одного из авторов данной статьи, главный конструктор Орловского завода погрузчиков.

Эта некоммерческая организация была ликвидирована 12 февраля 2007 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, временно оккупированная часть Орловской области была в сфере действий группы армий «Центр» германского военного командования Восточного фронта (значительная часть области в границах 1937–1944 гг. – с городами Орёл и Брянск) и группы армий «Юг» (меньшая часть области – южнее Ельца). В период фашистской оккупации жители из Орловской области угонялись в Германию для работы на предприятиях и в сельском хозяйстве. Только в городе Орле численность жителей сократилась за время оккупации в 2,5 раза, в первую очередь из-за насильственной депортации. Во время отступления с Орловского плацдарма фашистские захватчики в июле 1943 года угнали из родных мест в Германию 100 269 семей. Жители, оставшиеся на территории Орловщины, были обязаны работать на оккупантов под страхом смерти и нередко в специально созданных лагерях за колючей проволокой.

Угону подвергалось в первую очередь трудоспособное население, что, с одной стороны, ослабляло экономический потенциал захваченных нацистами территорий Советского Союза, а с другой стороны, должно было укреплять экономику фашистской Германии и её европейских сателлитов.

По наиболее полным данным Орловской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинённого им ущерба мирным гражданам, которые были изложены в акте от 15 марта 1945 года, из Орловской области гитлеровцы угнали в Германию на каторжные работы 56 490 человек. Эти данные можно считать окончательно установленными.

Угнанное из Орловской области население оказалось на территории Италии, Франции, Чехословакии, Польши, Румынии, а также на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики, но большая часть депортированных орловчан попала в Герма-

нию. Их использовали как рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве. Каждый из насильственно перемещённых лиц был обязан носить на одежде специальную нашивку с надписью «OST», это означало, что работник или работница депортированы с оккупированных территорий на Востоке, то есть из Советского Союза. Тем самым обеспечивалось их визуальное отделение как от депортированных из других стран, так и от местного населения. «Остовцы» были ущемлены в правах – значительная часть их проживала в трудовых лагерях, обнесённых колючей проволокой, побег из лагеря или с места работы наказывался временным переводом в штрафные лагеря, где заключённые подвергались избиениям. Оплата их труда на предприятиях была самой минимальной и оставляла по 2 рейхсмарки в месяц, а в сельском хозяйстве оплата отсутствовала. Остарбайтеры были лишены возможности тратить полученные деньги или пересылать их на родину, их обманом заставляли обменивать деньги на специальные сберегательные марки, которые в итоге полностью обесценились, сделав труд угнанного населения совершенно бесплатным для Германии. В качестве обуви остарбайтерам обычно выдавались деревянные колодки, которые ограничивали движение, а питание обеспечивало лишь полуголодное существование. Такие условия жизни способствовали высокому уровню смертности среди «остовцев». В целом можно заключить, что характер отношений между угнанным с оккупированной территории Советского Союза населением и фашистской Германией при наличии некоторых черт, присущих капиталистическому и феодалному строю, по совокупности признаков может быть отнесен, скорее, к отношениям, характерным для рабовладельческого общества, что полностью соответствовало идеологии германского фашизма.

Понятию геноцида соответствует как сам факт насильственного перемещения населения Орловской области с мест постоянного проживания, так и созданные в период депортации и на новом месте условия жизни, приводящие к массовой смертности угнанных. Ви-

новными в этом преступлении являются военные части германского вермахта – организации, которая не была признана преступной Нюрнбергским трибуналом.

ского оккупационного режима на оккупированной территории СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 22.12.2021).

Библиография /References:

1. Архив УФСБ по Орловской области. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 285.
3. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 673.
4. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 721.
5. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 757.
6. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 1079.
7. ГАОО. – Ф. Р-159. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 15а.
9. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 71.
10. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 86.
11. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 122.
12. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 130.
13. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 196.
14. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 200.
15. ГАОО. – Ф. Р-1743. – Оп. 1. – Д. 10.
16. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-7021. – Оп. 116. – Д. 16.
17. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М.: АО «Московские учебники и картолитография», 2003. – 480 с.
18. Отделение специальных фондов Информационного центра УМВД РФ по Орловской области. – Ф. 1. – Д. 4.
19. Саран А.Ю. Историческая энциклопедия орловских деревень. 1566–2018 гг. Т. 2. – СПб., – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, «Алеф-Пресс», 2017. – 574 с.
20. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орёл – Орловское полевье: путеводитель по экскурсионному маршруту. – Орёл, 2007.
21. Сопов С.Г. Орловщина в войне. Взгляд через объектив. – Орёл: ОРЛИК, 2021. – 196 с.
22. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2021).
23. Щекотихин Е.Е. Последствия нацистского оккупационного режима на оккупированной территории СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 22.12.2021).
1. Arkhiv UFSB po Orlovskoy oblasti [Archive of the FSB in the Oryol region]. F.10. Op.1. D.1. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archive of the Oryol Region] (Daleyev – GAOO). F.P-52. Op.2. D.285. (In Russ.).
3. GAOO. F.P-52. Op.2. D.673. (In Russ.).
4. GAOO. F.P-52. Op.2. D.721. (In Russ.).
5. GAOO. F.P-52. Op.2. D.757. (In Russ.).
6. GAOO. F.P-52. Op.2. D.1079. (In Russ.).
7. GAOO. F.R-159. Op.1. D.1. (In Russ.).
8. GAOO. F.R-691. Op.1. D.15a. (In Russ.).
9. GAOO. F.R-691. Op.1. D.71. (In Russ.).
10. GAOO. F.R-691. Op.1. D.86. (In Russ.).
11. GAOO. F.R-691. Op.1. D.122. (In Russ.).
12. GAOO. F.R-691. Op.1. D.130. (In Russ.).
13. GAOO. F.R-691. Op.1. D.196. (In Russ.).
14. GAOO. F.R-691. Op.1. D.200. (In Russ.).
15. GAOO. F.R-1743. Op.1. D.10. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.R-7021. Op.116. D.16. (In Russ.).
17. «Ognennaya duga»: Kurskaya bitva glazami Lubyanki [«Arc of Fire»: Battle of Kursk through the eyes of the Lubyanka]. – M.: AO «Moskovskiye uchebniki i Kartolitografiya», 2003. – 480s. (In Russ.).
18. Otdeleniye spetsial'nykh fondov Informatsionnogo tsentra UMVD RF po Orlovskoy oblasti [Department of special funds of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Oryol region]. F.1. D.4. (In Russ.).
19. Saran A.Yu. (2017) Istoricheskaya entsiklopediya orlovskikh dereven'. 1566-2018 gg. [Historical encyclopedia of the Orel villages. 1566-2018]. T.2. – SPb., – Orol: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, «Alef-Press». – 574s. (In Russ.).
20. Ashikhmina Ye.N., Livtsov V.A. Orel – Orlovskoye poles'ye: putevoditel' po ekskursionnomu marshrutu [Orel – Orel Polesye: a guide to the

excursion route] / Orol, 2007. (In Russ.).

21. Sopov S.G. Orlovshchina v voyne. Vzglyad cherez ob'yektiv [Orlovshchina in the war. A look through the lens]. – Orol: ORLIK, 2021. – 196s. (In Russ.).

22. Uголовный кодекс РФ [Criminal Code of the Russian Federation] [Elektronnyy resurs]. – URL: [http:// www.consultant.ru / document/ cons_doc_LAW_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (data obrashcheniya: 22.12.2021). (In Russ.).

23. Shchekotikhin Ye.Ye. Posledstviya natsistskogo okkupatsionnogo rezhima na okkupirovannoy territorii SSSR [Consequences of the Nazi occupation regime in the occupied territory of the USSR] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (data obrashcheniya: 22.12.2021). (In Russ.).